

Б.И.Макаренко
ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
ЕСТЬ ЛИ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ
ГОСУДАРСТВА?

Борис Игоревич Макаренко — кандидат политических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: bmakarenko@yandex.ru.

Аннотация. В статье анализируются итоги политического развития посткоммунистических государств. Обращаясь к различным количественным измерителям модернизации, демократизации и государственной состоятельности, таким как Индекс трансформации Бертельсмана, Индекс демократии журнала «Economist» и др., автор фиксирует тесную взаимосвязь между успехами страны в политической демократизации и построении рыночной экономики, с одной стороны, и укреплением государственности — с другой. Далее представлен аналитический обзор эволюции государственного строя и электоральных формул (с учетом эффекта вносившихся в них изменений), а также развития политических партий и партийных систем. Проводится сравнение векторов развития стран, расположенных в западной и восточной части посткоммунистического пространства. Исследуется роль внешнего (стремление вписаться в институты европейской интеграции) и внутренних факторов, влияющих на стратегии трансформации на разных этапах посткоммунистического развития. Дается оценка феномена ретрадионализации, идущей как на западе, так и на востоке посткоммунистического мира. В завершающем разделе статьи демонстрируется корреляция между уровнем конкурентности и институциональной зрелости партийных систем и степенью демократичности/авторитарности политического режима. Общий вывод автора: понятие «посткоммунистическое пространство» не утратило своей актуальности для политической науки, поскольку трансформационные процессы в большинстве входящих в соответствующий географический ареал стран не завершены.

Ключевые слова: посткоммунистические страны, модернизация, демократизация, политическое развитие, партийные системы

Вынесенный в заглавие статьи вопрос отнюдь не означает, что мы ставим под сомнение существование совокупности государств, некогда

составлявших географически непрерывный ареал «реального социализма» от Чехии на западе до Монголии на востоке. В 2000-е годы мы опубликовали в «Политии» два сравнительных обзора развития посткоммунистических стран¹ и решили вернуться к этой теме сегодня — спустя 27 лет после распада СССР.

¹ Макаренко 2002, 2008.

В одной статье невозможно дать развернутую и комплексную оценку итогов развития трех десятков государств, поэтому мы ограничимся несколькими ключевыми проблемами и измерениями. Мы считаем, что понятие «посткоммунистические страны» по-прежнему применимо, если корректно определить его смысл: это страны одного географического ареала, практически одновременно приступившие к трансформации уникальной модели государственного и социально-экономического порядка, предполагавшей ту или иную степень продвижения по пути классической модернизации (то есть от традиционного аграрного строя к индустриальному) при отсутствии начал конкуренции — экономической (рынка) и политической (плюрализма). Эта модель, навязанная из единого центра обществам, до того пребывавшим на разных уровнях цивилизационного развития, в известной мере привела к «общему знаменателю» их государственное и общественное устройство. Как следствие, стратегия развития этих стран после распада СССР состояла в «переизобретении» национальной идентичности (что имело разный смысл для разных стран и наций) и том или ином решении проблем построения рыночной экономики и иной политической системы.

Соответственно, рассмотрение трендов (во многом расходящихся) решения этих задач открывает перед политологами-компаративистами уникальную возможность проследить континуум целеполаганий политических элит и эффективности реализации стратегий трансформации.

Общий вектор трансформации

Из множества международных индексов и рейтингов, измеряющих различные аспекты политического и экономического развития, оптимальным для наших целей представляется Индекс трансформации Фонда Бертельсмана, замеряющий успешность стран (за исключением «старых» членов ОЭСР) в построении «либеральной демократии и рыночной экономики с социальными гарантиями»². С 2006 г. индекс рассчитывался шесть раз.

² <https://www.bti-project.org/en/data/atlas/>

³ Как было обосновано нами ранее (см. Макаренко 2008: 107), условная граница между «западом» и «востоком» в посткоммунистическом мире проходит по западной границе СССР — но не 1991, а 1939 г. Критический фактор — продолжительность существования коммунистического режима (на «востоке» — на поколение дольше).

По этому Индексу запад посткоммунистического мира демонстрирует более уверенный и последовательный прогресс, нежели восток³. Восемь из входящих в него стран квалифицированы как «весьма продвинувшиеся» (индекс выше 8,5 баллов по 10-балльной шкале), четыре — как «продвинувшиеся» (от 7 до 8,5 баллов), три отнесены к категории «ограниченная трансформация» (5,5—7 баллов) (см. табл. 1). На востоке же уровня «ограниченной трансформации» достигли лишь пять наиболее успешных стран, еще пять оказались в категории «весьма ограниченная трансформация» (4—5,5 баллов), а три — «провал трансформации» (ниже 4 баллов) (см. табл. 2).

Таблица 1 Динамика показателей Индекса трансформации Фонда Бертельсмана для западных посткоммунистических стран

	2006	2018
Словения	9,45	9,18
Эстония	9,29	9,52
Чехия	9,23	9,52
Венгрия	9,16	7,43
Словакия	9,06	8,59
Литва	9,02	9,24
Польша	8,50	8,58
Хорватия	8,71	8,07
Латвия	8,20	8,68
Болгария	7,98	7,80
Румыния	7,89	8,06
Македония	7,08	6,76
Сербия (Сербия и Черногория) ⁴	7	7,40
Албания	6,61	6,83
Босния и Герцеговина	6,61	6,28

⁴ При публикации сравнительных данных за весь период измерений Черногория не выделяется отдельной строкой, так как первые замеры относились еще к югославскому федеративному государству, в которое Черногория входила на «стартовой точке». Впрочем, нынешние показатели Черногории от сербских почти не отличаются.

Таблица 2 Динамика показателей Индекса трансформации Фонда Бертельсмана для восточных посткоммунистических стран

	2006	2018
Украина	6,96	6,54
Монголия	6,29	6,59
Россия	6,14	5,31
Армения	5,81	5,58
Грузия	5,73	6,42
Казахстан	5,48	4,70
Молдова	5,06	5,96
Киргизия	4,76	5,90
Азербайджан	4,51	4,13
Беларусь	4,47	4,72
Узбекистан	3,46	3,73
Таджикистан	3,45	3,31
Туркменистан	3,20	3,14

Однако воздержимся от крайних оценок «успеха запада» и «неудачи востока». Во-первых, усредненные по субрегионам данные за 2006—2018 гг. (см. таб. 3) демонстрируют, что если на востоке посткоммунистического мира средний показатель в рассматриваемые годы

практически не менялся, то на западе он, пусть и не очень существенно, снижался. Очевидно, что главных успехов в трансформации «запад» достиг в первые полтора десятилетия своего развития, когда Индекса Фонда Бертельсманна еще не было.

Таблица 3 Динамика средних показателей Индекса трансформации Фонда Бертельсманна на западе и востоке посткоммунистического мира

	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018
Запад (Восточная Европа)	8,28	8,39	8,25	8,16	8,06	8,03	7,97
Восток (Евразия)	5,02	5,32	5,06	5,02	5,05	5,04	5,08

Во-вторых, за последние 14 лет улучшили свой показатель более чем на 0,25 балла лишь две западные страны (Чешская Республика и Латвия), а ухудшили — семь, причем Венгрия, где ретрадиционализация и отход от демократических принципов выражены сильнее всего, — на 1,73 балла, переместившись в более низкую категорию. Более того, согласно Индексу демократии журнала «Economist», не удержались в категории «полных демократий» (где пребывали в прошлом десятилетии) и Чешская Республика и Словения.

На востоке же улучшение отмечено в шести странах, включая «ущербную демократию» Монголию, три страны с «гибридным» режимом и две с «авторитарным». Самым впечатляющим выглядит прогресс в Киргизии (+1,4), Молдове (+0,9) и Грузии (+0,69). Ухудшение же затронуло четыре страны, наиболее сильно — Россию, перешедшую в категорию «авторитарных» (−0,83), и Казахстан (−0,78).

Эта динамика позволяет сделать следующие промежуточные выводы.

1. Трансформационные процессы в большинстве посткоммунистических стран нельзя считать завершенными. Большинство «лидеров» (практически все — с «запада») достигли некоего промежуточного предела в развитии, достаточного, чтобы находиться — пусть и в качестве «периферии» — в Евросоюзе, то есть в общем соответствовать его политическим, экономическим и социальным стандартам. Однако и среди них наблюдаются откаты (Венгрия и — менее выражено — Польша, некогда бывшие «витринами трансформации»). Незначительна динамика и у большинства «неудачников» — стран, в которых транзит следует признать несостоявшимся, во всяком случае по критериям, заложенным в методику Фонда Бертельсманна и аналогичных международных институций. Вместе с тем есть и промежуточная категория — это «аутсайдеры запада», прежде всего западнобалканские государства,

которые демонстрируют положительные тренды в трансформации. Другая подвижная категория — часть постсоветских республик: некоторые из них смогли продвинуться в рыночных реформах и сохранить или развить ограниченный политический плюрализм, некоторые же, напротив, затормозились в рыночном развитии и либо не обрели плюрализма, либо не сумели его сберечь.

2. Заслуживает внимания, что в группу «неудачников» попали все страны, богатые нефтью и газом, с сильным, доминирующим институтом президента. К ней же относится и Беларусь — президентская республика, не обладающая нефтегазовыми запасами, но получающая немалые дивиденды от транзита российской нефти. Минеральные богатства — важнейший ресурс экономического и социального развития, однако они, как свидетельствует опыт постсоветских государств, не только препятствуют демократизации, но и не создают стимулов для институциональных трансформаций, которые позволили бы построить современную рыночную экономику.

3. Оговоримся, что данные заключения исходят из определения трансформации через развитие рыночной экономики и демократизацию, при этом последняя обладает немалым весом в формировании итоговой оценки. Между тем для ряда стран, в первую очередь центральноазиатских, приоритетом, безусловно, было строительство национальных государств — и с этой задачей все посткоммунистические страны так или иначе справились. Но этого аргумента недостаточно, чтобы ставить под сомнение правомерность критериев Фонда Бертельсмана: показательно, что лишь в четырех постсоветских государствах — России, Казахстане, Азербайджане и Узбекистане (все они относятся к числу «нефтегазовых») — субиндекс развития экономики существенно (от 1,1 до 1,8 балла) выше субиндекса демократизации⁵.

Можно ли считать, что успех в построении государственности является валидной альтернативой «западническому» модернизационному подходу? Обратимся к выводам коллег, исследовавших взаимозависимость демократизации и государственной состоятельности в посткоммунистических странах на старте реформ и в начале второго десятилетия нынешнего века⁶. Согласно их замерам, «постепенное приращение государственной состоятельности» было характерно для большинства посткоммунистических стран, «независимо от режимных характеристик» (то есть как для демократий, так и для недемократий). Однако если в случае демократий этот рост был весьма значительным, то из недемократий лишь Казахстану удалось приблизиться к зоне относительно высокой государственной состоятельности. Посткоммунистических диктатур с высоким уровнем государственной состоятельности так и не появилось: «Казахстан — не Сингапур, Азербайджан — не Оман»⁷. Иными словами, в посткоммунистическом мире авторитарная модель модернизации не сработала, и это неудивительно: подобные методы эффективны лишь при классической модернизации (переходе от аграрного общества к индустриальному),

⁵ <https://www.bti-project.org/en/data/rankings/governance-index/>.

⁶ Мельвиль, Стукал и Миронюк 2013: 131—132.

⁷ Там же: 132.

в посткоммунистическом же пространстве задача состояла скорее в качественном, инновационном развитии экономики, для чего авторитарные методы не приспособлены.

Завершая рассмотрение общего вектора трансформации, упомянем динамику ценностей жителей посткоммунистических стран, замеренную последовательными волнами World Values Survey⁸. С 1996 по 2014 г. весь этот сегмент последовательно сдвигался на «карте ценностей» от «секулярно-рациональных» установок к большему «традиционализму» и (пусть менее выражено) от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения». Последнее свидетельствует, что модернизационные процессы в регионе принесли свои плоды: общества стали более «модерными», хотя по параметру «ценностей самовыражения» по-прежнему отстают не только от Запада, но и от Латинской Америки. Сдвиг от «секулярно-рациональных» ценностей — это, с одной стороны, «ретрадиционализация» (к этой теме мы вернемся ниже), с другой — восстановление (в разных странах в разной степени) роли религии в общественно-политической жизни после насильственного насаждения атеизма и драконовских ограничений религиозной жизни при коммунистических режимах.

⁸ <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

Строительство институтов: общая ситуация и влияние внешнего фактора

Более конкретный аспект трансформации — политическое развитие. Континуум политических режимов, сложившихся в регионе за прошедшие после падения коммунистического строя годы, растягивается от чистых автократий, похожих на те, что присущи азиатским соседям этих стран, до демократий («ущербных», согласно Индексу демократии журнала «Economist»⁹, или «низкокачественных», как квалифицируют их Скотт Мейнуоринг и Фернандо Бизарро в своем обзоре итогов «третьей волны демократизации»¹⁰). Более интересна, однако, промежуточная категория — страны, ушедшие (как правило, не на начальном, а на более позднем этапе посткоммунистических преобразований) от авторитаризма, но недостаточно продвинувшиеся в создании стабильных демократических институтов. Со ссылкой на Гильермо О’Доннелла Мейнуоринг и Бизарро определяют такие режимы как «„коричневые“ зоны, в которых демократические права усечены, клиентелизм — всемогущ, сдержки и противовесы — слабы, а верховенство права — ненадежно»¹¹.

⁹ <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>.

¹⁰ Mainwaring and Bizzarro 2019: 109.

¹¹ *Ibid.*: 105.

Нынешнее состояние демократических институтов в этих странах стало итогом долгой и разнонаправленной эволюции, в которой свою роль сыграли как внешние, так и внутренние факторы. Для западной части посткоммунистического мира внешним фактором было желание «стать Европой», выйти из сферы влияния Москвы и вписаться в институты европейской интеграции. Поэтому «на протяжении 20 лет новые европейские демократии скрупулезно заимствовали западные демократические институты, законы и регуляторные нормы Евросоюза»¹². Плоды такого «ученичества» не следует недооценивать: большая часть этих стран добилась существенных успехов в модернизации и демократизации, что сертифицировано их членством в Евросоюзе. Более того, если

¹² Krastev 2016: 8.

«лидеры» данного процесса замедлили свое движение по этому пути, то аутсайдеры, напротив, «подтянулись». На значимость внешнего фактора, в том числе «соседства» с ареалом демократических государств, указывают многие авторы, анализирующие положение в этом регионе, в частности те же Мейнуоринг и Бизарро¹³, а также Иван Крастев¹⁴.

¹³ *Mainwaring and Bizzarro 2019: 100.*

¹⁴ *Krastev 2016: 8.*

Парадоксальным образом именно успешное решение основных задач («вхождение в Европу» и «расставание с Москвой») вкуче с нарастанием общеевропейских проблем (социально-экономический кризис, рост евроскептицизма и критического отношения к глобализации, массовый приток мигрантов из «третьего мира») усилило тренд, объективно ограничивающий, а то и поворачивающий вспять модернизационное развитие (к этому мы еще вернемся при рассмотрении внутренних факторов).

В восточной части посткоммунистического мира внешний фактор играл куда меньшую роль: он сводился к выстраиванию отношений с внешнеполитическими партнерами в целях решения задач социально-экономического развития и утверждения суверенитета. В то же время в случае недемократий наблюдалась и обратная тенденция — попытки ограничить воздействие «мягкой силы» Запада на внутривнутриполитические процессы. После череды «оранжевых революций» эта тенденция усилилась и для некоторых стран (в том числе для России) остается актуальной и сегодня.

**Строительство
институтов:
внутренние
факторы
противоречивой
эволюции**

При выборе конституционного дизайна политических институтов политические элиты посткоммунистических стран действовали вполне рационально.

Изначально посткоммунистический запад отдавал предпочтение парламентской или премьер-президентской форме правления — и потому, что они преобладают в «старой» Европе, и для того, чтобы избежать концентрации власти. На востоке же (за исключением Молдовы) сложились президентские или президентско-парламентские режимы — там старались избежать рисков фрагментации элит и/или ставили во главу угла государственное строительство, для которого сосредоточение власти в руках «отца нации» и сформированной им элитной коалиции представлялось весьма полезным.

Аналогичными соображениями определялся и выбор электоральной формулы. Как подчеркивают авторы классического труда «Демократизация»¹⁵, при современных переходах от авторитарных режимов в подавляющем большинстве случаев законодатель выбирает пропорциональную или смешанную избирательную систему. Мажоритарную систему взяли на вооружение лишь несколько постсоветских государств — Азербайджан, Белоруссия, Туркменистан и Узбекистан (в недавнем прошлом в их число входили также Казахстан и Киргизия, ныне перешедшие к пропорциональной системе), законодатели которых и не стремились к построению конкурентных политических систем. Пропорциональная

¹⁵ *Харпфер и др. (ред.) 2015: 394—397.*

система не только точнее учитывает множественные предпочтения избирателей, но и не завышает (вернее, завышает, но не так, как мажоритарная) результат сильнейшего партийного игрока и не провоцирует bipolarное противостояние в политике, особенно опасное в переходных обществах¹⁶. Вместе с тем исследователи отмечают, что применительно к странам, недавно перешедшим к плюрализму, у пропорциональной системы имеется и недостаток. Поскольку «отсутствие опыта предыдущих выборов лишает лидеров партий возможности реалистически оценить свои шансы на успех»¹⁷, в первом-втором цикле конкурентных выборов в бюллетене часто оказывается множество партий, большинство которых получает предельно низкий процент голосов. Однако со временем этот опыт приобретает, и число участников выборов сокращается до разумных пределов.

¹⁶ Colomer 2001: 41–45.

¹⁷ Taagapera 1997: 55.

Практически все посткоммунистические страны приняли специальные законы о политических партиях, которые впоследствии дополнялись и видоизменялись. При этом регулирование носило достаточно интенсивный характер, что, с одной стороны, налагало ограничения на партии, но, с другой, создавало гарантии свободной их деятельности.

Как указывает Герберт Китчельт, «если парламентаризм стимулирует конкуренцию программ... то президентализм поощряет концентрацию власти в руках харизматических персон и упадок партий»¹⁸. Согласно нашим расчетам, в странах, изначально выбравших парламентскую или премьер-президентскую форму конституционного устройства (16 западных стран, включая три прибалтийские республики, и Монголия), среднее значение индекса полномочий парламента составляет 0,76¹⁹ (при максимальном значении — 1), а в Индексе демократии журнала «Economist» за 2018 г.²⁰ 13 из них обозначены как «ущербные демократии» и четыре — как «гибридные режимы». В оставшихся же 12 республиках бывшего СССР среднее значение индекса полномочий парламента существенно ниже — 0,43. Семь из них не знали иной, кроме президентской или президентско-парламентской, формы правления, и все они в Индексе «Economist» причислены к «авторитарным»; пять других отнесены к «гибридным» — и во всех пяти ныне действует режим с более слабой президентской властью: Грузия, Киргизия, Украина и Армения перешли к премьер-президентской системе, а в Молдове конституционное устройство менялось дважды, но никогда не было чисто президентским.

¹⁸ Kitschelt 1995: 452.

¹⁹ Расчет осуществлен на основе данных, приведенных в *Fish and Kroening 2009*. Для Черногории индекс не рассчитывался, среднее приведено по 16 странам.

²⁰ <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>.

Однако посткоммунистический запад, похоже, достиг предела в реализации избранной им модели политического развития. По заключению Андрея Медушевского, «когнитивные параметры формирования политико-правовых систем в Восточной Европе напоминают процессы в государствах, возникших в разных регионах мира с крушением колониальной системы во второй половине XX в.»²¹: заимствованный характер инноваций порождает попятные движения и нестабильность в институтах.

²¹ Медушевский 2018b: 17.

Природа такого «отката» требует более обстоятельного рассмотрения. Выше уже говорилось о влиянии внешнего фактора: задачи «вписывания в Евросоюз» и «ухода от Москвы» решены, уже нет нужды

²² *Krastev 2016: 13.*

²³ *Там же.*

тянуться к Европе, а в самой Европе набирает силу популизм и евроскептицизм. На это накладывается целый ряд факторов внутренних. Первый из них — политическая апатия и разочарование, порожденные тем, что по сравнению с Западной Европой данные страны менее развиты и зажиточны. Сказывается и недостаточное качество политического представительства, когда, как уже поняли граждане новых демократий, «можно сменить правительство, но нельзя сменить политический курс», то есть удовлетворить надежды граждан на перемены, на учет их интересов²². Кроме того, при очевидной «приглушенности» в этих странах социально-экономического размежевания, все еще «базового» для позиционирования политических сил, на первый план в политической повестке дня выходят вопросы идентичности — национальной, религиозной, культурной²³. Наконец, играют свою роль антимиграционные настроения. И хотя массовой иммиграции в эти страны нет, страх перед ней там сильнее, чем в «старой» Европе, и продуцирует большую ксенофобию и агрессивность вследствие неукорененности ценностей толерантности. Кризисные явления привели к почти повсеместному упадку левоцентристских сил, и симптоматично, что именно здесь случились победы правых популистов. Прежде всего речь идет о Венгрии и Польше, однако некоторые из перечисленных факторов можно наблюдать и в других странах (в частности, в Чехии, Словакии и Хорватии).

Эрозия качества демократии носит умеренный и постепенный (а следовательно, не детерминированный и обратимый) характер: ни в одной авторитетной международной классификации ни одна из западных посткоммунистических стран не отнесена к категории «авторитарных». Вместе с тем на примере Венгрии можно зафиксировать далеко зашедшую эрозию либерально-демократических основ политического режима. В стране (единственной в западной части посткоммунистического мира) образовалась доминирующая партия («Фидес», находящаяся у власти с 2010 г.); в принятой в 2012 г. Конституции отчетливо виден консервативный (религиозные и моральные постулаты) и националистический (акцент на «венгерской нации») уклон; ограничена независимость конституционной юстиции; изменения в избирательной системе (повышение доли мажоритарной составляющей) обеспечили односторонние преимущества правящей партии.

Не все изменения конституций и государственного строя следует однозначно квалифицировать как эрозию демократии, но обратим внимание, что две страны (Словакия и Чехия) ввели институт всенародно избираемого президента, пытаясь тем самым компенсировать ограниченную легитимность исполнительной власти, формируемой волатильными политическими партиями. На сегодняшний день лишь в четырех странах посткоммунистического запада сохранилась чисто парламентская форма правления.

В восточной части посткоммунистического пространства семь стран — чисто президентские или президентско-парламентские республики, причем во многих срок полномочий президента продлевался на

референдумах и/или отменялись ограничения по числу сроков. И все же только в некоторых из них эволюцию политического режима можно безоговорочно назвать «реставрационно-охранительной» (то есть однозначно направленной на сохранение моноцентричного, авторитарного характера режима). Медушевский относит к ним Таджикистан, Туркменистан и Азербайджан²⁴. В Узбекистане и Казахстане в последние годы (после укрепления президентской власти) наблюдается определенное перераспределение полномочий от президентов к парламентам и кабинетам министров. Смысл таких реформ — не демократизация, а обеспечение плавной преемственности власти через выстраивание элитной коалиции. Особым путем идет Россия, где политический плюрализм и конкуренция продолжают сокращаться.

²⁴ Медушевский 2018а: 50—51.

Наконец, в ряде стран президентские режимы сменились премьер-президентскими либо даже парламентскими. Такое развитие событий было следствием революционных потрясений, переворотов или «цветных революций» (Киргизия, Украина, Грузия, Армения), заставивших политические элиты выстраивать новую модель, где «бремя власти» разнесено между властными институтами. Подобное изменение государственного устройства объективно расширяло поле для электоральной конкуренции. В обоих случаях (Грузия и Армения), когда соответствующие реформы инициировались всенародно избранными президентами в надежде сохранить за собой власть после истечения второго (и последнего по Конституции) срока, на практике власть переходила к оппозиции. В Киргизии «разнесение бремени власти» стало вынужденным решением после двух (в течение пяти лет) государственных переворотов, на Украине — результатом жесткого политического кризиса 2014 г. Однако альтернативы в виде закрепления авторитарного режима моноцентричной президентской власти ни там, ни там, судя по всему, просто не было.

Партийные системы как «лакмусовая бумажка» политического развития

Процессы развития партийных систем в посткоммунистическом мире нигде не следовали классической модели Липсета-Роккана²⁵, так как в условиях коммунистических режимов лежащие в ее основе значимые социально-политические размежевания не могли найти отражения в общественной жизни. По оценкам исследователей, ни одна из партий Центральной и Восточной Европы не укоренена в социальных размежеваниях — скорее они «дрейфуют» над обществом, пребывая в постоянном беспорядочном движении»²⁶.

²⁵ Lipset and Rokkan 1967.

²⁶ Elster, Offe, and Preuss (eds.) 1998: 139.

Специфика размежеваний проявляется в разных странах по-разному. Главное политическое противостояние большей части XX в. — социально-экономическое — в этих странах хотя и присутствует, но не является центральным: «классовый конфликт» при коммунистическом строе был погашен и с приходом рыночной экономики не стал определяющим. Дополнительная специфическая черта: там, где разгосударствление экономики было осуществлено лишь частично (в том числе

и в России), его содержательное наполнение — это не утрированное противостояние «богатых» и «бедных», а расхождения в менталитете и политических установках между теми, кто работает в частном секторе, и теми, кто получает зарплату от государства²⁷.

²⁷ Коргунок
и Ахременко 2012:
191.

Некоторые «старые» (в логике Сеймура Липсета и Стейна Роккана) размежевания в посткоммунистических странах едва просматриваются. Это относится к размежеваниям «религиозное — светское» (исключение — Польша) и «город — село». Как и в классических демократиях, постматериалистические (в трактовке Аренда Лейпхарта²⁸) размежевания накладываются здесь на «традиционные», но играют в этих странах меньшую роль.

²⁸ Lijphart 1999:
86—87.

Отдельным группам посткоммунистических стран присуща своя специфика, также связанная с размежеваниями. Там, где институты демократии не получили достаточного развития, осевым становится размежевание «власть — не власть». В большинстве случаев это приводит к тому, что складываются системы с доминирующей «партией власти», созданной всенародно избранным и фактически несменяемым президентом, и корпоративистской партийной системой, в которой преобладают частично контролируемые властью оппозиционные партии.

²⁹ Макаренко 2015:
108—110.

Специфическим для посткоммунистического мира является размежевание по принципу «преемственность или разрыв с прежним режимом»²⁹. Речь идет о противостоянии партий, отражающих установки старой, коммунистической элиты, и партий «новых элит». Это размежевание порождено таким отмечаемым исследователями фактором, как неопределенность судьбы режима³⁰, вследствие чего предметом конкуренции в элитах оказывается сама природа политического режима.

³⁰ Lupu and Riedl
2012: 1348.

В западной части посткоммунистического пространства бывшие компартии (с объяснимыми исключениями вроде Коммунистической партии Чехии и Моравии) трансформировались в социал-демократические; в восточной такую трансформацию претерпела лишь компартия Молдовы, остальные же либо постепенно утратили влияние (Украина, Армения, Казахстан, Беларусь), либо превратились в «хранителей» ностальгических настроений (Россия). Но и на западе посткоммунистического мира есть примеры, когда ассоциирующиеся с коммунистическим прошлым партии пребывают вне «истеблишмента» и не рассматриваются другими партийными игроками в качестве возможных партнеров по коалиции. Это уже упомянутая Коммунистическая партия Чехии и Моравии, блок «Согласие» в Латвии и даже «Левые» в Германии.

Другими словами, социально-политические размежевания сыграли важную роль в становлении партийных систем посткоммунистических стран, но существенно отличающимся от классических случаев образом. И поскольку эти размежевания не настолько устойчивы и институционализированы, как классические, соответствующие партийные системы следуют скорее не модели «рынка покупателя», когда избиратель предъявляет спрос на определенные партийные программы,

а модели «рынка продавца», когда симпатии избирателей завоевывают случайные харизматические или популистские фигуры или лозунги.

В бывших советских республиках (кроме прибалтийских) формирование партийных систем протекало медленнее, чем на западе посткоммунистического мира. Даже там, где многопартийность и конкуренция возникли сразу после обретения независимости (Молдова, Украина, Россия), не говоря уже о тех случаях, когда они обозначились лишь на втором-третьем десятилетии посткоммунистического развития (Грузия, Армения, Киргизия), отклонения от классической модели были еще заметнее, а роль традиционных размежеваний — ниже (возможно, потому что период политического тоталитаризма и нерыночной экономики в этих странах длился на поколение дольше). Значимым оказывалось размежевание либо между новой и старой элитой, представленной компартиями (Россия, Молдова, в меньшей степени — Украина, Армения), либо между центром и регионами (Украина, Киргизия). Труднее дать определение идейно-политическому спектру в Армении и Грузии, где конкуренция в последнее десятилетие появилась, но лишь в виде борьбы политических кланов без четких идейных платформ. В Молдове и на Украине важную роль играет размежевание политических сил по вопросу о «европейском векторе» развития, на Украине и в Киргизии — противостояние региональных элит.

Однако именно бывшие советские республики породили особую разновидность доминирующих партий, суть которых, на наш взгляд, точнее всего передает понятие «партии власти», ибо они доминируют не потому, что побеждают и формируют власть, а потому, что порождаются президентской властью и выступают ее производной³¹. В соответствии с классификацией Китчельта³², эти партии сочетают в себе черты *клиентелистских*, так как именно при их практически несменяемой власти происходит распределение и перераспределение общественных благ, и *харизматических персоналистских*, так как их главный электоральный ресурс — всенародно избранный, обычно уверенным большинством, президент. *Программность* же у них носит специфический характер, поскольку их программой фактически является реализация политического курса президента.

При классификации партийных систем посткоммунистических государств мы позволили себе задействовать формальный и не имеющий четкого обоснования с точки зрения сравнительной политологии критерий — категории Индекса демократии журнала «Economist» (в версии 2018 г.). Представляется, что качественно различные типы партийных систем в данном случае достаточно точно совпадают с выделенными в Индексе типами режимов. Иначе говоря, качество партийной системы служит косвенным, но довольно четким индикатором продвижения страны по пути демократизации.

— В «ущербных демократиях» (12 западных стран плюс Монголия) присутствует как реальная политическая конкуренция, так и сменяемость власти, при этом в партийных системах сосуществуют

³¹ Макаренко и др. 2015: 130—133.

³² Kitschelt 1995.

³³ Grzymala-Busse
2017: 1.

«программные» партии (которые можно считать основывающимися на значимых общественно-политических размежеваниях) и популистские или «антипартийные» проекты. От своих соседей из «старой Европы» эти системы отличаются повышенной долей «непрограммных» партий и большей их волатильностью. По подсчетам исследователей, доля популистских партий в парламентах западных посткоммунистических стран выросла с 15% в начале 1990-х годов до 35% в 2015³³.

- В «гибридных режимах» (четыре балканские страны и пять постсоветских) тоже есть конкуренция и отчасти сменяемость, однако смена власти, хотя и возможная, сопряжена с большими политическими издержками (особенно в постсоветских государствах). Главное отличие от предыдущей категории — преимущественно «межклановый» характер конкуренции, поверхностная роль политических программ и оппортунистический алгоритм выработки победителями своего политического курса.
- В режимах, маркированных в Индексе как «авторитарные» (семь постсоветских стран, включая Россию), конкуренция слаба или сугубо имитационна, максимального (для данной категории) уровня она достигает в России. Смена власти через выборы практически исключена. В двух странах (Беларусь и Туркменистан) партийные системы фактически отсутствуют, в других действуют «партии власти», клиентелистские и персоналистские, курс которых определяет президентская власть, прочие партии слишком слабы, чтобы можно было говорить о некоей «программной оси» (и снова в России ее элементы выражены четче, чем в остальных шести).

* * *

Подводя итог вышесказанному, сформулируем два — опять же промежуточных — вывода.

1. Понятие «посткоммунистические страны» по-прежнему применимо. Несмотря на все различия, у обозначаемых им стран имеется и важная общая черта: наследие коммунистической эпохи является значимым фактором в их сегодняшней политической жизни и влияет на траекторию развития, хотя действует по-разному — как на западе и востоке этого региона, так и в отдельных странах. О завершении транзита (или трансформации) если и можно говорить, то только применительно к нескольким «лидерам», приблизившимся к европейским демократиям, но остающимся периферией Евросоюза, а также к «аутсайдерам», в отношении которых едва ли правомерно вести речь о каком-либо развитии вообще. В большинстве же стран переходные (и разнонаправленные) процессы все еще продолжаются.

2. Один из результатов четверти века развития заключается в том, что посткоммунистические страны (за очевидным исключением России, которая является «метрополией» данного ареала) во многом стали «сами собой». Чем слабее «наследие коммунизма», тем активнее страны

возвращаются в цивилизационную нишу своих регионов — периферии Европы или наследников восточных империй (в большинстве своем тоже периферийных, хотя территории Узбекистана и Таджикистана были и центрами таких империй). Отсюда выраженная тенденция к ретрадиционализации — возрождению черт, которые были бы свойственны этим территориям, если бы их развитие не было нарушено установлением коммунистического режима.

Библиография

- Коргунюк Ю.Г. и А.С.Ахременко. (2012) «Трансформация структуры электоральных размежеваний в постсоветской России и изменение роли идеологической мотивации в поведении избирателей» // Коргунюк Ю.Г. и др., ред. *Партийная организация и партийная конкуренция в «недодемократических» режимах*. М.: РОССПЭН: 188—217.
- Макаренко Б.И. (2002) «Консолидация демократии: „детские болезни“ постсоветских государств» // *Полития*, № 4: 5—19.
- Макаренко Б.И. (2008) «Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации» // *Полития*, № 3: 105—125.
- Макаренко Б.И. и др. (2015) *Партии и партийные системы: современные тенденции развития*. М.: Политическая энциклопедия.
- Медушевский А.Н. (2018а) «Конституционная ретрадиционализация в Восточной Европе и России» // *Сравнительное конституционное обозрение*, № 1 (122): 13—31.
- Медушевский А.Н. (2018б) «Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок» // *Общественные науки и современность*, № 2: 49—66.
- Мельвиль А.Ю., Д.К.Стукал и М.Г.Миронюк. (2013) «„Царь горы“, или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 125—143.
- Харпфер К.В. и др., ред. (2015) *Демократизация*. М.: Изд-во ВШЭ.
- Colomer J. (2001) *Political Institutions: Democracy and Social Choice*. Oxford: Oxford University Press.
- Fish S. and M.Kroening. (2009) *The Handbook of National Legislatures: A Global Survey*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grzymala-Busse A. (2017) «Global Populisms and Their Impact» // *Slavic Review*, vol. 76, no. 1: 1—8.
- Elster J., C.Offe, and U.Preuss, eds. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kitschelt H. (1995) «Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies: Theoretical Propositions» // *Party Politics*, vol. 1, no. 4: 447—472.
- Krastev I. (2016) «The Unraveling of the Post-1989 Order» // *Journal of Democracy*, vol. 27, no. 4: 5—15.
- Lijphart A. (1999) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Heaven: Yale University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York, London: The Free Press, Collier-MacMillan: 1—64.

Lupu N. and R.Riedl. (2012) «Political Parties and Uncertainty in Developing Democracies» // *Comparative Political Studies*, vol. 46, no. 1: 1339—1365.

Mainwaring S and F.Bizzarro. (2019) «The Fates of Third-Wave Democracies» // *Journal of Democracy*, vol. 30, no. 1: 99—113.

O'Donnell G. (1993) «On the State, Democratization and Some Conceptual Problems: Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries» // *World Development*, vol. 21, no. 8: 1355—1369.

Taagepera R. (1997) «The Tailor of Marrakesh: Western Electoral System Advice to Emerging Democracies» // Elklit L., ed. *Electoral Systems for Emerging Democracies*. Copenhagen: Danish Ministry for Foreign Affairs: 49—62.

πολιτικά

B.I.Makarenko

TWENTY SEVEN YEARS LATER: ARE THERE POST-COMMUNIST STATES?

Boris I. Makarenko — Ph.D. in Political Science; Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University *Higher School of Economics*. Email: bmakarenko@yandex.ru.

Abstract. The article analyzes the outcomes of the political development of the post-communist states. First, on the basis of the various quantitative measures of modernization, democratization and state capacity, such as the Bertelsmann Transformation Index, the Economist Democracy Index etc., the author documents the close relationship between a country's successes in political democratization and market economy, on the one hand, and strengthening statehood, on the other hand. After that the author presents the analytical review of the evolution of the political regime and electoral formulae (taking into account the effect of the changes that were introduced to the electoral formulae), as well as the development of political parties and party systems. The author compares trajectories of the development for the countries located in the Western and Eastern parts of the post-communist space. The article explores the role of the external factors, such as states' desire to fit into the institutions of the European integration, and the internal factors that influence transformation strategies at different stages of post-communist development. The author evaluates the phenomenon of retraditionalization, which

takes place both in the West and in the East of the post-communist world. The final section of the article demonstrates the correlation between the level of competitiveness and the institutional maturity of party systems and the degree of democracy/authoritarianism of the political regime. The author concludes that the concept of the “post-communist space” has not lost its relevance for Political Science, because the transformation processes in most countries of this region have not been completed yet.

Keywords: post-communist countries, modernization, democratization, political development, party systems

References

- Colomer J. (2001) *Political Institutions: Democracy and Social Choice*. Oxford: Oxford University Press.
- Elster J., C.Offe, and U.Preuss, eds. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fish S. and M.Kroening. (2009) *The Handbook of National Legislatures: A Global Survey*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grzymala-Busse A. (2017) “Global Populisms and Their Impact” // *Slavic Review*, vol. 76, no. 1: 1–8.
- Haerpfer C. et al., eds. (2015) *Demokratizatsia [Democratization]*. Moscow: Izd-vo VShE. (In Russ.)
- Kitschelt H. (1995) “Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies: Theoretical Propositions” // *Party Politics*, vol. 1, no. 4: 447–472.
- Korgunyuk Yu. and A.Akhremenko. (2012) “Transformatsija struktury elektoral’nykh razmezhevanij v postsovetskoj Rossii i izmenenie roli ideologicheskoy motivatsii v povedenii izbiratelej” [Transformation of the Structure of Electoral Cleavages in Post-Soviet Russia and the Changing Role of Ideological Motivation in Voters’ Behavior] // Korgunyuk Yu. et al., eds. *Partijnaja organizatsija i partijnaja konkurencija v “nedodemokraticeskikh regimakh [Party Organization and Party Concurrence in “Underdemocratic” Regimes]*. Moscow: ROSSPEN: 188–217. (In Russ.)
- Krastev I. (2016) “The Unraveling of the Post-1989 Order” // *Journal of Democracy*, vol. 27, no. 4: 5–15.
- Lijphart A. (1999) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Heaven: Yale University Press.
- Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York, London: The Free Press, Collier-MacMillan: 1–64.
- Lupu N. and R.Riedl. (2012) “Political Parties and Uncertainty in Developing Democracies” // *Comparative Political Studies*, vol. 46, no. 1: 1339–1365.
- Mainwaring S and F.Bizzarro. (2019) “The Fates of Third-Wave Democracies” // *Journal of Democracy*, vol. 30, no. 1: 99–113.

Makarenko B.I. (2002) “Konsolidatsija demokratii: „detskie bolezni“ postsovietskikh gosudarstv” [Consolidation of Democracy: “Childhood Diseases” of Post-Soviet States] // *Politeia*, no. 4: 5–19. (In Russ.)

Makarenko B.I. (2008) “Postcommunisticheskie strany: nekotorye itogi transformatsii” [Post-Communist Countries: Selected Results of Transformation] // *Politeia*, no. 3: 105–125. (In Russ.)

Makarenko B.I et al. (2015) *Partii i partijnye sistemy: sovremennye tendentsii razvitiia* [Parties and Party Systems: Contemporary Trends of Development]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedia. (In Russ.)

Medushevsky A. (2018a) “Konstitutsionnaja retraditsionalizatsija v vostochnoj Evrope i Rossii” [Constitutional Re-Traditionalization in Eastern Europe and Russia] // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], no. 1 (122): 13–31. (In Russ.)

Medushevsky A. (2018b) “Tendentsii postsovetkikh politicheskikh regimov v svete novejshej volny konstitutsionnykh popravok” [Tendencies of Post-Soviet Political Regimes in the Light of Most Recent Constitutional Amendments] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 2: 49–66. (In Russ.)

Melville A., D.Stukal, and M.Mironuyk. (2013) “„Tsar gory“, ili Pochemy v postcommunisticheskikh avtokratijah plokhie instituty” [“King of the Mountain”, or Why Post-Communist Autocracies Have Bad Institutions] // *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 125–143. (In Russ.)

O'Donnell G. (1993) “On the State, Democratization and Some Conceptual Problems: Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries” // *World Development*, vol. 21, no. 8: 1355–1369.

Taagepera R. (1997) “The Tailor of Marrakesh: Western Electoral System Advice to Emerging Democracies” // Elklit L., ed. *Electoral Systems for Emerging Democracies*. Copenhagen: Danish Ministry for Foreign Affairs: 49–62.